

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

БАЙРОНА.

ПѢСНЯ ДЕВЯТАЯ.

I.

О, Веллингтонъ! (иль даже «Vilainton», (*))
Два имени носилъ герой нашъ славный
И, Франціей не бывъ униженъ, онъ
Далъ temu ей для остроты забавной, —
Всегда, вездѣ привыкъ смѣяться Галлѣ)
Вы стоите всѣхъ пенсій и похвалъ!
Когда бъ другой сталъ рядомъ съ вами смѣло,
То слово «нѣтъ!» (**)) вездѣ бы прогремѣло.

II.

Но съ Кинердомъ (***) дѣянья ваши—стыдъ;
За вашъ поступокъ въ дѣлѣ Маринета

(*) Какъ его называетъ Беранже:

Faut qu'lord Vilainton ait tout pris,
N'y a plus d'argent dans c'gueux d'Paris etc.

(**) Игра словъ. Въ текстѣ стоитъ слово «пау» (нѣтъ); въ выноскѣ же Байронъ замѣчаетъ: «Не должно ли читать Ней?» Это намекъ на убійство маршала Нея по приговору палаты пэровъ, несмотря на то, что капитуляція была подписана Веллингтономъ и Даву.

(***) Лордъ Кинердъ былъ большимъ поклонникомъ Наполеона и получилъ въ 1816 году приказаніе выѣхать изъ Франціи. Впослѣдствіи онъ былъ замѣшанъ въ заговоръ на жизнь герцога, вмѣстѣ съ нѣкимъ Маринетомъ, который былъ однако оправданъ судомъ присяжныхъ.

Могилу вашу грязью осквернить
 Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ мнѣнне свѣта,
 Что жь до другихъ разсказовъ—не хочу
 Ихъ вспоминать и лучше умолчу,
 Но какъ ни стары вы,—того не скроемъ,—
 А и донинѣ смотрите героемъ.

III.

Вся Англія лишь вами спасена,
 (За это вамъ она и платитъ много)
 Вамъ и Европа всѣмъ одолжена:
 Законность въ ней вы водрузили строго;
 Испанія и Франція нашли
 Въ васъ сильную опору ихъ земли;
 За Ватерло для васъ награды всѣхъ мало...
 (Жаль, что пѣвцы воспѣли васъ такъ вяло).

IV.

«Изъ всѣхъ кровопускателей»—(Шекспиръ
 Придумалъ фразу эту очень кстати)
 Вы—лучшій... Что жь, война приходитъ въ міръ,
 Чтобъ истреблять голодныхъ, меньшихъ братій —
 Безъ мысли и заботы о странѣ...
 Да, очень бы хотѣлось слышать мнѣ,
 Что Ватерло,—лишь кромѣ васъ, понятно,—
 Полезно было людямъ и пріятно.

V.

Я здѣсь не льщу, хотя вамъ лесть мила
 И часто доставляла наслажденье.
 Тому подъ часъ пріятна похвала,
 Кому наскучитъ вѣчный громъ сраженья.
 Героя война не мало тѣшитъ лесть,
 Готовъ принять за должную онъ честь
 Названіе «спасителя народа»,—
 Хотя не спасена его свобода.

VI.

Я все сказалъ, а вамъ пора теперь
 Садитесь за роскошнѣйшія блюда.

Изъ этихъ блюдъ кусочка два за дверь
 Для вашей стражи выслать бы не худо:
 Тѣ бѣдняки голодные стоятъ;
 Да и въ народѣ голодъ, говорить...
 За дѣло вамъ назначена награда,
 Но и народъ вѣдь забывать не надо...

VII.

Роль цензора мнѣ вовсе не съ руки,
 Къ тому жъ, лордъ герцогъ, нынче времена-то
 Совсѣмъ не тѣ,—мы очень далеки
 Отъ чуждой намъ эпохи Цинцинната.
 Вы, какъ Ирландецъ, можете любить
 Картофель,—пусть! Но можно ли платить
 За вашу форму, если взглянемъ строго,
 Полмилліона фунтовъ?—Право, много!..

VIII.

Герои всѣ чуждались наградъ:
 Эпаминондъ спасъ Өивы и скончался,
 Джоржъ Вашингтонъ былъ славой лишь богатъ
 И родины спасителемъ остался.
 Не меньше могъ гордиться старый Питтъ:
 Онъ, какъ министръ, съ душой великой Бриттъ,
 Въ великое повергнулъ раззоренье
 Всю Англію и — стоитъ уваженья.

IX.

А вы — какъ много сдѣлать вы могли!..
 Вы въ состояннн были безъ сомнѣнья
 Прогнать Европы деспотовъ съ земли,
 Услышавъ націй всѣхъ благословенья...
 А что жъ теперь? гдѣ вашей славы блескъ?
 Съ войной умолкъ народа крикъ и плескъ!
 Теперь странѣ голодной вы внимайте
 И всѣ свои побѣды проклинайте!..

X.

Заговоривши въ пѣсняхъ о войнѣ,
 Къ вамъ обращаюсь съ музой откровенной,

Съ той истиной, что вамъ и всей странѣ
 Нельзя прочесть въ газетѣ ежедневной:
 Свершали вы *великія* дѣла,
 Но безъ души *великой* въ морѣ зла
 Вы цѣли *величайшей* не свершили:
 Въ войнѣ о челоуѣчествѣ забыли.

XI.

Смѣется смерть. Вотъ онъ, ея скелеть,
 Въ немъ тайна непонятная сокрыта
 И къ ней ключа еще донинѣ нѣтъ...
 Смѣется смерть надъ жизнью открыто...
 Смотрите: то чудовище глядитъ
 И все живое ужасомъ мертвитъ,
 А ротъ его недвижимъ, какъ могила,
 И въ немъ улыбка мертвая застыла.

XII.

Замѣтите, какъ смѣется тотъ скелеть,
 Хотя и въ немъ когда-то жизнь играла,
 Но слуха у него ужъ больше нѣтъ —
 Чудовище ту силу потеряло;
 Но все жъ оно смѣется и не разъ
 Своей рукой сдираетъ кожу съ насъ,
 И дѣлають, какъ жертвы лютой злости,
 Зловѣщія гримасы наши кости.

XIII.

Да, смерть смѣется!.. Грустный очень смѣхъ,
 Но отчего жъ и жизни не смѣяться?
 И отъ своихъ земныхъ кумировъ всѣхъ
 Зачѣмъ она не хочетъ оторваться?
 Зачѣмъ, смѣясь, не топчетъ въ грязь она
 Ничтожныя, пустыя имена,
 Ничтожныя, какъ капли въ океанѣ,
 Забвенью обреченныя заранѣ?

XIV.

«Быть иль не быть? таковъ вопросъ». Шекспиръ
 Сказалъ о томъ намъ въ драмѣ пятиактной.

Я не герой и, выступая въ міръ,
 Я не гонюсь за славою абстрактной;
 Я предпочту хорошій аппетитъ
 Болѣзни Бонапарта (*)... Не прельститъ
 Меня триумфъ и пышный лавръ твой, воинъ,
 Когда желудокъ мой совсѣмъ разстроень.

XV.

«О, dura ilia messorum!» Вы,
 Жнецы полей и жители селенья!
 Для васъ недуги адскіе новы:
 У васъ дурнаго нѣтъ пищеваренья...
 Не даромъ льется онъ, крестьянскій потъ:
 Жнецъ трудится, живетъ роскошно мотъ,
 Но тотъ изъ нихъ счастливѣе, кто ночи
 Спокойно спитъ, не раскрывая очи.

XVI.

«Быть иль не быть?» Рѣшу я тотъ вопросъ,
 Когда я тайну жизни разгадаю;
 Хоть много мнѣній слышать мнѣ пришлось,
 Но эти мнѣнья всѣ я отвергаю.
 Для всѣхъ людей загадкой жизнь дана,
 А я привыкъ такъ думать издавна,
 Что бытіе людей на смерть похоже,
 Что жизнь и смерть — почти одно и тоже.

XVII.

Что жъ? «Que sçais-je?» девизъ Монтэня былъ.
 Во всемъ привыкли люди сомнѣваться,
 До истины ихъ умъ не доходилъ,
 Ихъ «достоувѣрность» можетъ измѣняться.
 Такъ мало знанья людямъ всѣмъ дано,
 Такъ въ знаньяхъ тѣхъ все спутано, темно,
 Что даже можно думать въ заключеніе:
 Сомнѣнье въ насъ не есть процессъ сомнѣнья.

XVIII.

Быть можетъ, какъ Пиронъ, пріятно плыть
 Среди догадокъ въ вихрѣ непогоды,

(*) Наполеонъ умеръ отъ рака.

Но вѣтеръ лодку можетъ утопить,—
 Всѣ мудрецы плохіе мореходы.
 Надъ бездной мысли—плавать надоѣсть...
 У береговъ поищемъ мелкихъ мѣсть,
 И тамъ въ тиши, не зная бурь опасныхъ,
 Найдемъ мы много раковинъ прекрасныхъ.

XIX.

«Намъ всѣмъ на небо нужно», такъ сказалъ
 Намъ Кассіо. Спасать себя должны мы,
 Съ тѣхъ поръ, какъ смерть Адамъ намъ завѣщалъ.
 Но «воробьи — и тѣ судьбой хранимы
 И не падутъ безъ воли неба» (*). Я
 Не постигалъ пороковъ воробья:
 Быть можетъ, онъ сидѣлъ на вѣткѣ древа,
 Гдѣ отъ плода въ раю погибла Ева.

XX.

О, люди? Что такое филантропъ?
 Теогонія и космогонія?..
 Людми я обвиненъ какъ мизантропъ,
 Чего постичь не могъ и въ наши дни я,
 Но мнѣ понятна въ васъ *микантропія* (**),
 И не понять то слово мнѣ смѣшно бѣ,
 Съ тѣхъ поръ какъ вы при каждой новой ссорѣ
 Готовы выть волками на просторѣ.

XXI.

Но я всегда былъ скромень и смиренъ,
 За мною нѣтъ большаго преступленья,
 И хоть, порой, я духомъ былъ смущенъ,
 Но послѣ доходилъ до снисхожденья.
 Какой же мизантропъ я? Вѣдь не я
 Людей такъ ненавиждѣлъ, а меня

(*) «We defy augury: there is a special
 Providence in the fall of a sparrow» (Hamlet).

(Мы не вѣримъ предвѣщаніямъ: даже паденіе воробья есть дѣло про-
 видѣнія).

(**) Известнаго рода помѣшательство, превращающее людей въ бѣшенныхъ
 животныхъ.

Они встрѣчали ненавистью всюду...
Но здѣсь я продолжать разсказъ свой буду.

XXII.

Впередъ, впередъ, прекрасный мой разсказъ!..
Да, мой разсказъ дѣйствительно прекрасенъ,
Хоть, можетъ быть, читатели, для васъ
Онъ не совсѣмъ вездѣ казался ясенъ,
Но твердо я теперь увѣренъ въ томъ,
Что истина оцѣнится потомъ,
Что мой романъ найдутъ вполне блестящимъ,
А я пока доволенъ настоящимъ.

XXIII.

Герой нашъ былъ оставленъ на пути
Къ Петрополю, къ тѣмъ доблестнымъ славянамъ,
Въ которыхъ храбрость можемъ мы найти
Скорѣй чѣмъ умъ. Тотъ край съ его туманомъ
Сталъ нынче общей темой для похвалъ,
И самъ Вольтеръ на этотъ край взиралъ, —
Чего, однако, я не одобряю...
Теперь однимъ желаньемъ я стараю —

XXIV.

Вести войну, хоть на словахъ пока,
Вой противъ тѣхъ, кто нашу мысль стѣсняетъ!
Тираны и льстецы! Моя рука
Мишенью для себя васъ избираетъ.
Кто побѣдитъ? Не знаю, но всегда,
Не уставая долгіе года,
Я ненавиждѣть буду безконечно,
Всѣхъ, кто народомъ править безсердечно.

XXV.

Но я не льстить хочу тебѣ, народъ!..
И безъ меня найдутся демагоги
Чтобъ всѣ кумиры свергнуть съ ихъ высотъ
И новые поставить на дорогѣ.
Не знаю я, чего они хотятъ,
О чемъ хлопочуть, спорять и шумять,

Но я хочу, чтобъ дали же народу
Свободу, настоящую свободу...

XXVI.

Врагъ партій всѣхъ, я заслужить могу
Вражду всѣхъ партій, гнѣвъ и озлобленье,
За то я не лукавлю и не лгу.
Тотъ, кто не хочетъ выиграть сраженья,
Не угнетать, не угнетеннымъ быть,
Тотъ можетъ все свободно говорить, —
Пусть выть начнутъ шакалы рабства всюду,
Но съ воемъ ихъ сливаться я не буду.

XXVII.

Названіе шакаловъ къ нимъ идетъ, —
Я слышалъ ихъ въ развалинахъ Эфеса.
Такъ точно воетъ ночи напролетъ
Вся эта сволочь, выродокъ прогресса,
И ловить дичь по, прихоти господь...
Подлѣй самихъ шакаловъ тотъ народъ,
Букашки тѣ, продажными полками
Водимыя на битву пауками.

XXVIII.

Лишь взмахъ руки — и паутины нѣтъ.
Всѣ пауки безъ паутины хилы...
О, націи! услышьте мой совѣтъ
И ройте паукамъ своимъ могилы.
Ихъ сѣтъ теперь густѣетъ съ каждымъ днемъ,
Тарантулы плетутъ ее кругомъ...
Лишь Аттика съ Испаніей вставала,
Чтобы вонзить въ своихъ тирановъ жало.

XXIX.

И такъ, Жуанъ съ депешою скакалъ,
Гдѣ о пролитой крови говорилось,
Какъ о водѣ... Громъ битвы замолчалъ
И лишь стѣна изъ труповъ появилась,
И этотъ бой, гдѣ бились двѣ страны,
Умолкъ среди зловѣщей тишины.

.

XXX.

Жуанъ летѣлъ въ кибиткѣ безъ рессоръ,
 Въ проклятой, отвратительной телѣгѣ,
 Дорогою мечталъ про разный вздоръ —
 О почестяхъ, о славѣ, о ночлегѣ,
 Жалѣлъ, что не Пегасъ его несетъ,
 И проклиналъ, сложивъ въ гримасу ротъ,
 Разбитыя, ужасныя дороги
 И безъ рессоръ устроенныя дроги.

XXXI.

При каждомъ неожиданномъ толчкѣ, —
 А тѣхъ толчковъ онъ получалъ не мало, —
 Жуанъ смотрѣлъ на спутницу въ тоскѣ
 И сожалѣлъ, что такъ она страдала
 На томъ пути, гдѣ только высшій рокъ
 Поставленъ наблюдателемъ дорогъ,
 Гдѣ каждый шагъ брать просто нужно съ бою
 И молча преклониться предъ судьбою.

XXXII.

.

XXXIII.

Съ ребенка глазъ не сводить мой Жуанъ.
 Она была — трофеей его военной...
 О, деспоты кровавые всѣхъ странъ,
 Ты, Надиръ - Шахъ (*), чудовище вселенной,
 Въ пустыню обратившій Индустанъ,
 Какъ грѣшникъ ты погибъ отъ тяжкихъ ранъ
 Лишь потому, что злой недугъ извѣдавъ,
 Желудокъ твой не принималъ обѣдовъ (**).

(*) Персидскій царь.

(**) Онъ былъ убитъ заговорщиками за свои деспотическія дѣйствія, происходившія отъ несваренія желудка, что приводило его въ ярость, близкую къ сумасшествію.

XXXIV.

Поймите всѣ: спасеніе одной,
 Одной лишь жизни юной и прекрасной
 Дороже лавровъ, купленныхъ войной,
 Облитыхъ кровью націи несчастной...
 Пусть вашихъ славныхъ подвиговъ дѣла
 Кругомъ встрѣчаютъ лесть и похвала,
 Но ваша слава... что такое слава?
 Минутный шумъ, минутная забава!

XXXV.

Вы, авторы брошюръ блестящихъ, книгъ,
 Вы, двадцать милліоновъ публицистовъ,
 Которымъ міръ внимать давно привыкъ, —
 Наемщики ли вы изъ журналистовъ,
 Кричащіе, что весь вашъ край богатъ,
 Иль ты, неукротимый демократъ,
 Ты, нещадающій бѣшенныхъ проклятій
 За голодъ и позоръ своихъ собратій, —

XXXVI.

Вы, авторы!.. Но, à propos de bottes, —
 Мысль главную я позабылъ здѣсь, право
 (И мудрецы теряютъ мысли ходъ),
 Но убѣдить хотѣлъ я очень здраво
 И успокоить множество головъ
 Отъ разныхъ громкихъ, но невинныхъ словъ;
 А такъ какъ мнѣ не всѣ повѣрятъ въ этомъ,
 То мысль свою я скрою передъ свѣтомъ.

XXXVII.

Со временемъ отыщется она,
 Когда нашъ вѣкъ ужъ явится *прошедшимъ*,
 Открытымъ снова, будто старина,
 Въ глубь древности затертымъ и ушедшимъ,
 Исторгнутымъ изъ хаоса опять,
 Чтобы его страницы прочитать,
 Дать волю любопытству, удивленью,
 И вновь предать, какъ всѣ вѣка, забвенью.

XXXVIII.

Такъ говорилъ Кювье; — и въ міръ тогда
 Вновь явятся отъ древности обломки,
 Пропавшіе изъ міра безъ слѣда;
 Такъ точно мы, отцовъ своихъ потомки,
 Гигантовъ отрываемъ изъ гробницъ
 Почти что въ миллю ростомъ, дивныхъ птицъ,
 И на показъ выходятъ изъ могилы
 Громадные слоны и крокодилы.

XXXIX.

Представьте — вдругъ откроется потомъ
 Георгъ Четвертый. Будутъ удивляться —
 Чѣмъ это существо съ громаднымъ ртомъ,
 При жизни, на землѣ могло питаться?..
 (Извѣстно, міръ мельчаетъ съ каждымъ днемъ:
 Онъ слишкомъ часто началъ разрѣшаться
 Отъ бремени; въ грядущіе вѣка
 Всѣ люди будутъ съ червяка.)

XL.

Какъ назовутъ насъ въ будущее время,
 Когда, быть можетъ, путь земной начнетъ
 Опять сначала выросшее племя,
 Узнаетъ трудъ, неволю, тяжкій гнетъ,
 Пока войны искусство не пойметъ
 И не оцѣнитъ податей народъ, —
 Какъ назовутъ тогда насъ люди эти? —
 Чудовищами, рѣдкими на свѣтѣ.

XLI.

Болтливъ, какъ метафизикъ, я, порой,
 Не скрою, — «время съ петель соскочило»... (*)
 Къ тому жъ еще, моей поэмы строй —
 Комическій, а я пишу уныло.
 По прихоти болтливъ я, скучень, хмуръ.
 И планъ мой поэтиченъ черезчуръ:

(*) Слова Гамлета.

Впередъ я за двѣ строчки не ручаюсь:
Начну одно — и тотчасъ увлекаюсь.

XLII.

Я странствую, какъ вѣтеръ, безъ заботъ...
Но возвратимся къ нашему роману
И поспѣшимъ съ Жуаномъ мы впередъ...
Описывать подробно я не стану
Героя путь, — начать я прямо радъ
Съ того, какъ онъ явился въ Петроградъ,
Какъ принесла почтовая телѣга
Его въ столицу «крашенанаго снѣга».

XLIII.

Представьте, что въ мундирѣ Донъ-Жуанъ
Стоитъ среди придворныхъ въ пышной залѣ;
Надъ шляпою качается султанъ;
Его чулки, какъ первый снѣгъ, блистали,
Показывая икры стройныхъ ногъ,
Одинъ топазъ шотландскій блескомъ могъ
Съ рейтузами Жуана поравняться...
Имъ всякій могъ тогда залюбоваться:

XLIV.

Со шляпою и шпагой у бедра,
Облагороженъ юностью и славой,
А также и портнымъ (есть мастера
Придать покровомъ образъ величавый
И вдвое увеличить красоту),
Красивый Донъ-Жуанъ въ минуту ту
Могъ смѣло показаться въ мнѣнни свѣта
Амуромъ, перереяженнымъ въ корнета.

XLV.

Амуромъ сталъ прекрасный Донъ-Жуанъ:
Вдругъ крылья обратились въ эполеты,
Сталъ шпагою—со стрѣлами колчанъ,
Лукъ шляпой сталъ... Амура всѣ примѣты...
Когда бъ передъ Психеей онъ предсталъ,
То и она (я женщинъ многихъ зналъ

Въ ошибку впавшихъ,—женщины вѣдь слабы)
Его за Купидона приняла бы.

XLVI, XLVII, XLVIII, XLIX, L, LI, LII.

.
.

LIII.

Жуанъ былъ молодъ, статенъ и плѣнялъ
Париса красотой,—того героя,
Изъ-за котораго,—что каждый зналъ,—
Разрушена была когда-то Троя
И былъ потомъ устроенъ новый судъ,
Гдѣ для мужей и женъ разводъ даютъ (*).
И Иліонъ,—я въ этомъ убѣдился—
Тамъ первый за убытки заплатился.

LIV.

.
.

LV.

О, ты «источникъ гибельный войны» (**)!
Я никогда не въ силахъ былъ дознаться,
Зачѣмъ людскія души всѣ должны
Въ источникъ этотъ вѣчный погружаться.
Съ тѣхъ поръ, какъ сорванъ былъ запретный плодъ,
Палъ человѣкъ; какъ падаетъ народъ
Съ тѣхъ поръ, чтобъ подыматься снова,
Одинъ лишь *ты* отвѣтить могъ сурово.

LVI.

Тебя дурнымъ источникомъ зовутъ,
Но ты вѣрнѣе *лучшимъ* могъ назваться,
Всѣ люди изъ тебя, къ тебѣ идутъ,
Передъ тобою въ прахъ міры дробятся,

(*) «Doctor's Commons», консисторіальный судъ, въ которомъ совершаются разводы.

(**) «Teterrima causa belli». (Сатиры Горация, книга I, сат. 3).

И вновь опять, богатый на дары,
 Ты населяешь новые мiры...
 Жизнь безъ тебя была бь бездонной чашей,—
 Ты океанъ на сушѣ жизни нашей.

LVII.

Когда къ Екатеринѣ подошелъ
 Красивый вѣстникъ славы Петрограда,
 Суворова торжественный посолъ —
 Она его была увидѣть рада,
 Когда же ей депешу онъ вручилъ
 И передъ ней колѣна преклонилъ,
 Екатерина вдругъ остановилась
 И надломить печать не торопилась.

LVIII.

Но вотъ депеша вскрыта. Цѣлый дворъ
 Слѣдитъ съ невольнымъ страхомъ за царицей,
 И наконецъ Екатерины взоръ
 Сверкнулъ для всѣхъ ласкающей денницей.
 Царица улыбнулась... Красоты
 Исполнены лица ея черты,
 Очерчены уста ея красиво
 И ясные глаза смотрѣли живо.

LIX.

Екатерины радость велика:
 Взять Измаилъ и тридцать тысячъ пало
 Подъ натискомъ могучаго штыка...
 Чело царицы славой засіяло, —
 Такъ озаряетъ солнечный восходъ
 Просторъ морей, пустыню ясныхъ водъ,
 Когда все море кажется румяно,
 Подъ благодатнымъ небомъ Индустана.

LX.

Къ тому же въ ней улыбку возбудилъ
 Докладъ въ стихахъ (стихи-то чудны были),
 Гдѣ полководецъ въ риѣмы уложилъ
 Реляцію о битвѣ въ Измаилъ.

Куплетъ о человѣческой рѣзнѣ,
Гдѣ много тысячъ пало на войнѣ
Въ защитѣ благородной и безумной,
Сложилъ тогда Суворовъ страннодумный (*).

LXI, LXII, LXIII, LXIV, LXV, LXVI, LXVII, LXVIII, LXIX,
LXX, LXXI, LXXII, LXXIII, LXXIV, LXV, LXXVI,
LXXVII, LXXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXI.

.

LXXXII.

Аудіенція окончилась. Вся знать,
Посланники различныхъ націй стали
Счастливаго Жуана поздравлять...
Красавицы двора кругомъ мелькали
И до него касались платья дамъ...
О женщины! всегда пріятно вамъ
Смущать людей улыбками, очами,
Намеками и томными рѣчами!..

LXXXIII.

Жуана дворъ блестящій окружалъ
Какъ человѣка, выросшаго быстро.
Онъ граціозно голову склонялъ,
Съ свободою давнишняго министра.
Не даромъ былъ «джентльменомъ» онъ рожденъ,
Умѣлъ хранить покойный, строгій тонъ,
И грацію и тактъ въ его манерахъ
Нашли бы всѣ и въ самыхъ высшихъ сферахъ.

LXXXIV.

Царица поручила, чтобъ весь дворъ
Вниманіе оказывалъ Жуану.
Съ нимъ заводить спѣшили разговоръ
И вѣжливы съ нимъ были не по сану.

.

(*) Извѣстное донесеніе Суворова:

«Слава Богу, слава вамъ,
Туртукай взять и я тамъ».

LXXXV.

Но здѣсь остановись пока, Пегасъ!
Мы далеко ужь слишкомъ залетѣли...
Кружится голова и мимо глазъ,
Какъ крылья мельницъ, мысли запестрѣли.
И такъ, чтобъ мысли съ нервами сберечь,
Умѣрю я порывистую рѣчь...
Спущусь теперь, о, муза дорогая, —
Куда нибудь въ зеленые луга я...

ДМИТРІЙ МИНАЕВЪ.

СОВРЕМЕНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ СХІІ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Карла Вульфа. На Литейномъ проспектѣ, № 60

—
1866